

Человек остановился. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Человек остановился. Владимир Владимирович Набоков

Человѣкъ остановился. Дорога спускалась къ селу, огненной синевой сіяли на солнцѣ загоры, – прошумѣлъ недавно ливень, ядренымъ серебромъ остался на кустахъ. Человѣкъ прищурился, ивзмахомъ костляваго плеча приладилъ поудобнѣе мѣшокъ за спиной.

– Эвона, куды заскакала... Урка, Урка... скотинка окаянная...

Высокій бабій голосъ надрывался за ольшанникомъ. Мелькнулъ алый платъ. Жеребенокъ задравъ хвостъ, мягко шмакая копытами по мокрой травѣ рѣзвился на лугу. Мокрое солнце прожигало его насквозь рыжимъ золотомъ. Атамъ, за лугами, далеко-далеко млѣла синяя мякоть сосновыхъ лѣсовъ, плыли, толкаясь огромными боками, расплываясь исливаясь вновь, бѣлыя, какъ свѣжая бурдава, тучи, – Рассея, благодать, ширина, синева свѣжая.

Человѣкъ прищурился опять не то на осеребранный дождемъ ольшанникъ, не то на какую-то свою тайную думу, инегромко позвалъ:

– Тетка, атетка...

Баба, обойдя кусты, встала на краю канавы, ладонью заслонила отъ солнечнаго пала.

– Чего тебѣ? Шляешься-то отколѣ?

– Я, тетка, въ Курайскій скитъ, яиду изъ Сосновки. Вотъ ты мнѣ искажи, на деревнѣ увасъ – какъ, бродягъ-то не хапаютъ?

Баба подошла ближе, показала красное, рябое свое лицо.

– Чего-же то васъ хапать? сказала она весело. Мало-ли васъ тутъ ходють. Во дворъ не пустимъ, – абольшакъ не тронетъ. Унасъ деревня тихая.

– Да ятакъ только, протянулъ человѣкъ, – ато на мельницѣ, въ Сосновкѣ, сказывали, что комиссаръ-то увасъ больно строгій, шатуновъ не любить.

Онъ еще разъ поправилъ мѣшокъ, имедленно, усталыми, широкими шагами продолжалъ свой путь.

– Вотъ иладно... Иди, иди... все такъ же весело крикнула баба – иподула на овода, норовившаго сѣсть ей на потную щеку.

Деревня была ивъ самомъ дѣлѣ тихая. Вся погрязла, загвохала она въ жирной шоколадной грязи, ослѣпленная, разморенная лѣтнимъ дождемъ. Прoshель мужикъ, икоса его полыхнула крутымъ огнемъ. Человѣкъ подошелъ къ одной изъ крайнихъ избъ, – и сѣлъ на лавку, стоящую въ буйной заросли терпко пахнущей крапивы. Погодя, онъ рогожкой, вынутой изъ мѣшка, вытеръ босыя ноги, съ которыхъ засохшіе комья грязи сыпались какъ шелуха – неторопливо обулся, тщательно засупонилъ подъ задокъ красныя ушки разбитыхъ, съ чужой ноги штиблетъ. Въ окно избы высунулась дѣтская голова, потомъ вторая. Потомъ хриплый голосъ сказалъ:

– Входи-то въ кабачишко. Чего разсѣлся...

Бродяга всталъ ивошелъ въ избу.

Человѣкъ пять мужиковъ сидѣли унизкаго халтежнаго стола, какихъ понавезли съ погибшаго почемъ зря Курайскаго завода, ипили чай, хрустѣли сухарями. Двое ребятишекъ хлопали по мухамъ, садящимся на горячую, солнцемъ облитую лавку. Старикъ въ бѣлой рубахѣ ломалъ щепки въ углу, покрюкивая на корткахъ.

Человѣкъ скинулъ мѣшокъ свой подъ столъ и, разминая плечи, усѣлся.

– Далече мѣтишь? коротко спросилъ одинъ изъ мужиковъ, тощій, въ старой хабанѣ,

Человек остановился. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru порвавшейся на плечахъ, съ живыми зеленовато-карими глазками, такъ иснующими по лицу, по рукамъ вошедшаго челоуѣка.

– Не... Въ Курайскій скитъ. Тамъ уменя братецъ...

– Не по нашему что-то баешь... проговорилъ другой мужикъ, процѣживая желтую бороду сквозь короткія пальцы. Изъ какихъ мѣсть?

– Изъ Сосновки, братъ. Чайкомъ угостите?

– Чаешь чайкомъ... бормотнулъ первый мужикъ ихотѣлъ что-то добавить, но вмѣсто этого почесалъ себѣ грудь подъ рубахой.

И вдругъ челоуѣкъ, приложивъ кулакъ ко лбу, затрясся смѣхомъ. Онъ смѣялся такъ, что все лицо прыгало, и острые плечи ходуномъ ходили, идрожащій свистъ смѣха разрывалъ грудь.

– Чтой-то, сказалъ бородатый, хохотунъ какой на тебя напалъ. Никакъ шалый...

Челоуѣкъ поднялъ голову. Смѣхъ все еще бѣжалъ по его лицу. Широко раскрытые глаза горѣли влажнымъ блескомъ.

– Все по-старому, сказалъ онъ, словно про себя. Эхъ вы, мужики...

Выпрямился. Вскинулъ за плечо мѣшокъ.

– Куда-жъ это ты? недоуменно уставился мужикъ; другой подхватилъ: Пьянъ ты што-ли?

Челоуѣкъ опять засмѣялся, но уже тише и легче, ине оглядываясь вышелъ изъ избы. Широко ступая по жирной грязи, онъ свернулъ на лебедой поросшую тропинку, льющуюся вдоль забора въ трепещущій, ослѣпительно зеленый березнякъ. Тамъ онъ остановился, глядя снизу вверхъ на березы, словно мѣрилъ ихъ ростъ. Точно, онъ были очень стройны, очень хороши. Тройнымъ звучнымъ и влажнымъ свистомъ заливалась иволга.

Погодя, челоуѣкъ пошелъ дальше, миновалъ полуразвалившуюся калитку. Въ глубинѣ аллеи бѣлѣлъ бывшій помѣщичій домъ. На пескъ аллеи янтарными кругами ходило солнце.

Челоуѣкъ по этой аллеѣ пошелъ тише. Что-то робкое, почти воровское было въ его походкѣ. Икогда неожиданный окрикъ грянулъ на него гдѣ-то сбоку, онъ спотыкнулся икакъ-то по-бабьи приложилъ руку ко рту.

На деревянной тумбѣ– оставшейся отъ исчезнувшей скамейки– сидѣлъ огромный, весь обросшій бѣлой шерстью старикъ и, чавкая беззубымъ ртомъ, глядѣлъ себѣ подъ ноги.

– Тутъ тебѣ не проѣзжая дорога, проговорилъ онъ, все не поднимая головы... Всякая шустрядь тутъ пображничаетъ.

Челоуѣкъ подошелъ къ нему иопустился рядомъ съ нимъ.

– Ятакъ, проходилъ, сказалъ онъ тихо. Не сердись, дѣдъ.

– Школьный ясторожъ, зашамкалъ старикъ. Вот имое дѣло слѣдить. Тамъ-то школа,– мотнулъ онъ головой на бѣлый блескъ дома въ глубинѣ аллеи.– Старая сгорѣла,– вотъ туда иперебрались. Ранѣ господскій домъ былъ.

Челоуѣкъ обхватилъ колѣни руками, прикрылъ глаза.

– ...домъ былъ, сказалъ погодя старикъ.– Тутъ бы тебя псы заѣли, коли въ садъ эдакъ зашелъ, безъ спросу. Хозяева-то теперь за границей, добавилъ онъ равнодушно.– Лѣтъ восемь, что-ли, ато ивсѣ десять. Аубили-бы ихъ безпремѣнно, коли тогда не удрали.

– Я-бы домъ-то... того... посмотрѣть хотѣлъ, вдругъ сказалъ челоуѣкъ не открывая глазъ.

Человек остановился. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

– Чего там... осмотреть. Иди своей дорогой. Чай, не весь вккъ тутъ съ тобой лясы точить.

– Такъ, сказалъ человекъ и всталъ. Потерь лобъ, виски. Спросилъ скучнымъ голосомъ:

– А хозяевъ здѣшнихъ ты, дѣдъ, помнишь?

– Не... старикъ недовольно тряхнулъ головой. – Яне изъ здѣшнихъ. Дочка тутъ за мужика вышла, вотъ имена привезли. Атакъ– слыхаль отъ людей. Господа были, богато жили... Сынокъ, что-ли, былъ, въ офицерахъ. Да теперь что толку-то болтать... Укатили, туды имъ идорога, значить. Аты, братецъ, гуляй.

– Прощай, дѣдъ, сказалъ человекъ изашагалъ прочь. Отойдя шаговъ сто, онъ оглянулся– и быстро шагнулъ въ кусты. Затѣмъ, прыгая по кочкамъ черникъ, онъ пробрался назадъ между частыхъ стволовъ, къ самому дому.

Тогда человекъ прислонился плечомъ къ зеленой колоннѣ стараго клена и долго смотрѣлъ, ошаривалъ влажнымъ взглядомъ крыльцо дома, рѣзьбу надъ окнами, ослѣпительную лужу подъ водосточной трубой. Въ одномъ окнѣ синѣла географическая карта. Потомъ вышла изъ дому и съла съ книгой на ступеньку худая стриженная дѣвица въ макинтошѣ.

Человекъ оторвался отъ дерева и безшумно пошелъ прочь. Снова онъ вышелъ къ сломанной калиткѣ, снова услышалъ шепотокъ березовой листвы, тройной крикъ иволги. Потомъ вышелъ на деревню, зашлепалъ по шоколадной, уже высыхающей грязи. Мальчишки играли въ городки. Чурки съ громкимъ звономъ взлетали, брехала лохматая собаченка. Человекъ миновалъ село, пошелъ быстрее по той же дорогѣ въ сѣющихъ загорахъ, по которой онъ поднимался недавно. Уповорота ему повстрѣчались двѣ бабы– одна въ аломъ платкѣ, которую онъ окликнулъ, когда раньше проходилъ.

– Что назадъ–то идешь, звонко спросила она, поровнявшись. – Аль раздумалъ?

– Раздумалъ, тетенька, отвѣтилъ онъ, усмѣхнулся и пошелъ.

На пятой верстѣ онъ вдругъ остановился, посмотрѣлъ себѣ на ноги, потомъ присѣлъ на щебень при дорогѣ. Осторожно стянулъ сапоги, стукнулъ ими объ камни, отряхивая сухую грязь, всунулъ въ мѣшокъ. Исъ едва замѣтной улыбкой оглянувшись вокругъ, пошелъ дальше, твердо шлепая по теплой мягкой корѣ дороги, въ голубое марево лѣтняго дня, обратно, къ дальней польской границѣ.

Василій Шалфеевъ

Послесловие Геннадия Барабтарло

Весьма вероятно, что этот рассказ Набокова – без заглавия, без точной даты – последний из неопубликованных. Собственно, дата на первой странице рукописи имеется (1925), но поставлена она очевидно много позже и по памяти. Скорее всего рассказ был написан летом 1926 года, когда Набоков из отчужденного любопытства прочел несколько книг молодых советских писателей из числа орнаментальных стилизаторов простонародной речи: «Виринею» Сейфуллиной, «Барсуки» Леонова, может быть кого-нибудь еще из «Серапионовых братьев». Этого рода узорчатый, будто-бы крестьянский, на самом же деле ярко-искусственный слог напрашивается на пародию, и можно думать, что Набоков поначалу это и имел в виду: чрезмерность, густота и настойчивость просторечий создают свойственную нарочитой имитации натянутость. Первые же фразы подводят к границе шаржа, и все, что за нею, должно, казалось бы, только подтверждать, что все это не всерьез.

Но если таково было первоначальное намерение, то скоро Набоков словно забывает о нем, усмешка уступает место грустной улыбке, подмигиванье – серьезному и даже несколько влажному выражению глаз. Так клоун, жонглируя полыми гириями, гримасничая и отдуваясь, как если бы они в самом деле были пудовыми, по ходу номера вдруг чувствует, что они каким-то образом и впрямь наливаются чугуном и

Человек остановился. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru нужно внимательно следить, чтобы не уронить одну из них себе на ногу, не то бутафорские слезы могут обернуться настоящими.

Дело тут в болезненно незаживавшей теме, которую Набоков выбрал для своего стилистического опыта: «человек», по-видимому бывший белый офицер, ежеминутно рискуя жизнью, в середине двадцатых годов переходит смертоносную советскую границу для того только, чтобы увидеть свой дом, из которого он и те, кто ему дорог, были беспощадно вышвырнуты. Вероятия погибнуть в этих случаях значительно превосходили шансы возвратиться невредимым в трагическую безопасность беженства. Но и обдумывать такую возможность было до того упоительно, что Набоков много раз разыгрывал ее в воображении – поэтическом, прозаическом, и даже драматическом (в пьесе «Человек из С.С.С.Р.»). В 1927-м и снова в 1928 году Набоков написал два стихотворения под названием «Расстрел»; второе страшно прозаической точностью описания, первое – одно из самых его пронзительных:

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.

Мартын Эдельвейс, герой «Подвига», переходит финскую границу с совдепией и пропадает там, а Федор Годунов, герой «Дара», не раз совершает мучительную мысленную экспедицию в свое петербургское имение. В последний раз эта тема звучит, уже в другой тональности и как бы выдыхаясь, в последнем романе Набокова «Взгляни на арлекинов!», где повествователь – у которого те же инициалы, что у автора и очень похожие заглавия написанных книг – с фальшивым паспортом приезжает на три дня в Ленинград, но только особенный колер петербургских закатов да тень от гранитного парапета невской набережной вызвали у него в памяти город, где он родился, город, стоявший на том же месте, но под другим именем: теперь все казалось вытоптано, искажено и заменено на советский продукт – виды, звуки, запахи, и особенно речь.

Рукопись рассказа находится в архиве нью-йоркской публичной библиотеки. Отсутствие названия и некоторая внезапность начала могут навести на мысль, что не достаёт первой страницы. Однако глубокая отступка от края листа в начале и нумерация страниц от первой до восьмой (правда, сделанная позже, но зато скорее всего рукою Набокова или его вдовы) указывают на то, что текст по-видимому полный, причем это не черновик, но по крайней мере один раз перебеленный вариант. Он воспроизводится здесь так, как написан, т.е. согласно русскому правописанию; исправлены только явные описки. Четыре слова, по всей видимости, придуманы Набоковым специально, может быть в угоду первому замыслу о пародии. Несколько фарсовый псевдоним – созвучный его «Василию Шишкову» конца тридцатых годов, – может означать, что он собирался напечатать рассказ в каком-нибудь эмигрантском издании.

В *Esquire*, выходившем тогда в Чикаго, Набоков напечатал несколько своих вещей, в том числе английские версии таких знаменитых рассказов, как «Картофельный Эльф» и «Посещение музея» (последний описывает леденящий ужас человека, заурядный эмигрантский ночной кошмар которого сделался страшной явью: он неведомо как очутился на набережной Невы в конце тридцатых годов.) В *Esquire* же в 1969 году был помещен его восторженный отзыв на полет американских астронавтов на Луну. В этом месяце исполняется семьдесят пять лет эмиграции Набокова из Европы в Америку, где он перестал сочинять по-русски, но и в английских своих романах не оставил темы воображаемого возвращения в бывшую Россию – как бы ни понимать это слово.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

Человек остановился. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!